

Научная статья
УДК 343.237
DOI 10.33184/pravgos-2023.3.6

Original article

КОНЯХИН Владимир Павлович
Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия;
e-mail: vladkon54@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-6062-7759>

KONYAKHIN Vladimir Pavlovich
Kuban State University, Krasnodar, Russia.

БАТЮТИНА Татьяна Юрьевна
Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия;
e-mail: tatjanka_92@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-1083-790X>

BATYUTINA Tatyana Yurievna
Kuban State University, Krasnodar, Russia.

ВЗГЛЯДЫ ПРОФЕССОРА ВЛАДИМИРА СЕРГЕЕВИЧА КОМИССАРОВА НА ИНСТИТУТ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО, МЕЖДУНАРОДНОГО И ЗАРУБЕЖНОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

VIEWS OF PROFESSOR VLADIMIR SERGEYEVICH COMMISSAROV ON THE INSTITUTE OF COMPLICITY IN CRIME IN THE CONTEXT OF MODERN RUSSIAN, INTERNATIONAL AND FOREIGN CRIMINAL LEGISLATION

Аннотация. В статье представлены отдельные ключевые (концептуальные) идеи профессора В.С. Комиссарова о соучастии в преступлении через призму их экстраполяции в современное российское, международное (ООН, ШОС, СНГ) и зарубежное законодательство (на примере Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Республики Беларусь, Республики Таджикистан). Цель: показать значение творческого наследия профессора В.С. Комиссарова для понимания законодательных подходов к конструированию института соучастия в преступлении на российском, международном и зарубежном уровнях. Методы: диалектический, анализа, синтеза, индукции, дедукции, а также частнонаучные (историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический). Результаты: установлена взаимосвязь и созвучие доктринальных идей профессора В.С. Комиссарова с разрешением на легальном (законодательном) уровне таких вопросов, как объект бандитизма и создание преступного сообщества, содержание конститутивного признака устойчивости банды, диверсификация организованной преступности в контексте ее проявления в форме деятельности экстремистской организации и диверсионного сообщества, изменения в трактовке института соучастия в преступлении в международном уголовном праве с позиции происходящих в нем процессов деглобализации и регионализации.

Abstract. The article presents some key (conceptual) ideas of professor V.S. Commissarov on complicity in crime through their extrapolation into modern Russian, international (UN, SCO, CIS) and foreign legislation (on the example of the People's Republic of China, the Kyrgyz Republic, the Republic of Belarus, the Republic of Tajikistan). Purpose: to show the importance of the creative heritage of Professor V.S. Komissarov for understanding the legislative approaches to the design of the institution of complicity in crime at the Russian, international and foreign levels. Methods: dialectical, analysis, synthesis, induction, deduction, as well as specific scientific (historical-legal, comparative-legal and formal-legal). Results: the article establishes the relationship and consonance of doctrinal ideas of Professor V.S. Komissarov with the resolution at the legal (legislative) level of such issues as the object of banditry and creation of a criminal community, content of the constitutive feature of gang stability, diversification of organized crime in the context of its manifestation in the form of an extremist organization and a subversive community, changes in the interpretation of the institute of complicity in crime in international criminal law from the point of view of the processes of deglobalization and regionalization taking place in it.

Ключевые слова: институт уголовного права, соучастие в преступлении, организованная преступность, экстремистская организация, диверсионное сообщество, международное и зарубежное уголовное право, деглобализация, регионализация

Для цитирования: Коняхин В.П. Взгляды профессора Владимира Сергеевича Комиссарова на институт соучастия в преступлении в контексте современного российского, международного и зарубежного уголовного законодательства / В.П. Коняхин, Т.Ю. Батютина. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.6 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 53–58

Keywords: institute of criminal law, complicity in crime, organized crime, extremist organization, subversive community, international and foreign criminal law, deglobalization, regionalization

For citation: Konyakhin V.P., Batyutina T.Yu. Views of Professor Vladimir Sergeyevich Commissarov on the institute of complicity in crime in the context of modern Russian, international and foreign criminal legislation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 53–58 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.6.

ВВЕДЕНИЕ

Институт соучастия в преступлении, фундаментальный для уголовного права, всегда находился в фокусе пристального внимания широкого круга исследователей, в том числе таких известных теоретиков, как Л.Д. Гаухман, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, А.А. Пионтковский, Н.С. Таганцев, П.Ф. Тельнов, А.Н. Трайнин и др. К их числу, несомненно, принадлежит и профессор В.С. Комиссаров, который на протяжении длительного времени рассматривал общие и специальные вопросы соучастия в преступлении в своих многочисленных научных работах и учебных изданиях.

В частности, в своей кандидатской диссертации В.С. Комиссаров указывал на такие важнейшие в теоретическом и практическом отношении признаки банды, как вооруженность, специальная цель (совершение нападений на государственные общественные учреждения и отдельных граждан), возможность создания в составе от двух человек для совершения как минимум одного преступления [1]. Эти признаки вытекали из содержания советского уголовного законодательства того времени и в полной мере в последующем были отражены в диспозиции ч. 1 ст. 209 УК РФ 1996 г. Кроме того, В.С. Комиссаров акцентировал особое внимание на устойчивости и сплоченности преступной связи соучастников, в том числе в социально-психологическом плане, что придавало банде более опасный по сравнению с организованной группой характер. Примечательно, что названные признаки еще не фиксировались в качестве криминообразующих в ст. 77 УК РСФСР 1960 г. и лишь устойчивость банды позднее нашла непосредственное отражение в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации.

Не менее значимым событием в свете формирования института уголовной ответственности за бандитизм следует признать его выведение из группы государственных преступлений и размещение в главе, объединяющей преступления по признаку единого родового объекта – общественной безопасности. Необходимость принятия такого решения на законодательном уровне с учетом истинной социально-политической сущности бандитизма как раз и отстаивал В.С. Комиссаров.

Концептуальные идеи ученого получили дальнейшее развитие в его докторской диссертации, в которой общественную безопасность применительно к преступлениям, предусмотренным гл. 24 УК РФ, он рассматривал как комплексное отношение, включающее в себя различные (разнородные) составляющие, но в то же время не требующее выделения дополнительных и (или) факультативных объектов посягательств террористического характера [2].

В свете изложенного, экстраполируя взгляды В.С. Комиссарова на регламентацию института соучастия в преступлении в российском, международном и зарубежном уголовном законодательстве, можно констатировать, что многие из них не только сохранили свою актуальность, но и приобрели в современных условиях особое звучание. Компаративистский анализ соответствующего нормативного материала убеждает в этом.

ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Прежде всего, необходимо отметить, что формирование понятия «соучастие в преступлении» не было одномоментным, а модерни-

зация содержания последнего сопровождалась сужением его объема. Крайне расширительно соучастие в преступлении трактовалось в правоприменительной практике 30–50-х годов прошлого века. В этой связи В.С. Комиссаров, подвергая критике такой подход, популяризируемый А.Я. Вышинским, справедливо писал: «умышленный характер соучастия выхолащивался, отрицалась необходимость причинной связи между действиями соучастников и преступным результатом, а институт соучастия заменялся некой безграничной и неопределенной причастностью к совершению преступления» [3, с. 382]. Позднее Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. уже указывали на обязательность умышленного совместного участия двух или более лиц, однако никак не ограничивали круг совершаемых в соучастии преступлений конкретной формой вины. Этот пробел был восполнен лишь в 90-е годы XX в., сначала в ст. 19 Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г., затем на международном уровне – в ст. 34 Модельного УК СНГ 1996 г., и наконец, в ст. 32 действующего УК РФ 1996 г. В то же время не все страны СНГ пошли по такому пути. В этой связи В.С. Комиссаров акцентировал особое внимание на том, что УК Кыргызской Республики 1997 г. не упоминал об умышленном характере связи соучастников преступления. Примечательно, что в новом УК Кыргызской Республики 2021 г.¹, действующем на территории малой родины профессора В.С. Комиссарова, ст. 39 уже в полной мере соответствует ст. 34 Модельного УК СНГ.

Такая «шероховатость» в законотворческом подходе к решению данного вопроса объясняется сложной правовой природой соучастия, включающей многоаспектность случаев неединоличного совершения преступления и специфику роли каждого субъекта в нем. В.С. Комиссаров особо подчеркивал: «основания и пределы ответственности соучастников лежат не в действиях исполнителя, а в действиях, совершенных лично каждым соучастником» [3, с. 385]. Данный тезис находит подтверждение в процессе квалификации преступления, назначения наказания или вы-

бора иной меры уголовно-правового характера. Действительно, юридическая оценка вклада организатора, подстрекателя и пособника в преступный результат не зависит от наличия у фактического исполнителя признаков субъекта преступления и от применения к нему конкретной меры принуждения. В этой связи ученый совершенно справедливо указывал на то, что в процессе реализации уголовной ответственности прямая корреляция между действиями исполнителя и иных соучастников прослеживается лишь в ракурсе неоконченного преступления.

Отдельного внимания заслуживает признак совместности деятельности соучастников преступления. В.С. Комиссаров выделял три ключевые его составляющие: 1) взаимобусловленность деяний двух или более лиц; 2) единый для соучастников преступный результат; 3) причинная связь между деянием каждого соучастника и наступившим общим результатом [3, с. 390–391]. Следует признать, что как в уголовно-правовой науке, так и в правоприменительной практике сохраняется актуальность правильного толкования и установления каждого из названных компонентов. В данном контексте уместно сделать акцент на содержании понятия «взаимобусловленность». Ее ученый характеризует следующим образом: «действия одного соучастника в конкретной обстановке являются необходимым условием выполнения преступления другими соучастниками», следовательно, «невыполнение своих действий со стороны какого-либо из соучастников в задуманном месте, установленном времени и обстановке делает невозможным совершение соответствующего преступления либо существенным образом затрудняет его совершение» [3, с. 390].

Говоря о субъективных признаках соучастия, В.С. Комиссаров среди прочего констатировал важность наличия умысла каждого на совместное совершение преступления с исполнителем. Значимость этой идеи трудно переоценить, ведь из нее вытекает вывод о том, что в качестве обязательного элемента субъективной связи не требуется личное общение между соучастниками: «достаточно знания о наличии исполнителя преступления и о признаках, характеризующих предполагаемое деяние как преступление. Организатор, подстрекатель и пособник могут и не знать о существовании друг друга» [3, с. 393].

¹ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 127 [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065/ (дата обращения: 28.05.2023).

Переходя к освещению вопроса о формах соучастия в преступлении, следует сразу отметить, что доктринальные подходы к формулированию их классификационных критериев и исчерпывающего перечня не тождественны законодательному, изложенному в ст. 35 УК РФ. Анализируя различные точки зрения, В.С. Комиссаров пришел к выводу о необходимости признания в качестве основания выделения форм соучастия в преступлении социально-психологического критерия, а именно степени согласованности (соорганизованности) действий соучастников. Она зависит от сговора как такового, его содержания и напрямую отражает опасность конкретной совместной преступной деятельности [3, с. 413–414].

Приведенная позиция ученого может быть проиллюстрирована и на международно-правовом уровне: понятие одной из форм соучастия в преступлении, а именно организованной группы, дается в п. «а» ст. 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. Сточки зрения международного законодателя, это «структурно оформленная группа в составе трех или более лиц, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с Конвенцией, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду». В п. «с» ст. 2 названной Конвенции установлено также, что термин «структурно оформленная группа» подразумевает под собой «группу, которая не была случайно образована для немедленного совершения преступления и в которой не обязательно формально определены роли ее членов, оговорен непрерывный характер членства или создана развитая структура».

Обращает на себя внимание специфика (в сравнении с УК РФ) конструктивных параметров этой группы. Для ее констатации требуется участие в ней не двух, а трех или более лиц (количественный признак) и наличие специальной цели – совершение одного или нескольких преступлений не любой категории тяжести, а только серьезных, причем для получения финансовой или иной материальной выгоды (качественные признаки).

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Характеризуя содержание понятия «организованная преступность», В.С. Комиссаров в своих трудах последовательно отстаивал позицию о том, что в современном мире оно означает деятельность [4, с. 118]. Соглашаясь с этой идеей, отметим, что она подтверждается фиксируемыми на международном и национальном уровнях все новыми видами организованных групп, специфика которых определяется как раз сутью совершаемых ими преступлений.

Так, Конвенция ШОС по противодействию экстремизму 2017 г.² выделяет две формы *экстремистской организации*: 1) организованная группа, преследующая цель совершения преступлений, охватываемых настоящей Конвенцией; 2) общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным национальным законодательством Сторон, принято вступившее в законную силу решение о ликвидации и (или) запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Следует отметить, что российский законодатель еще в 2002 г. дифференцировал ответственность по вышеуказанному признаку на уровне ст. 282¹ и 282² УК РФ, где первая разновидность преступного объединения именуется экстремистским сообществом, а вторая – экстремистской организацией. Схожий подход реализован в ст. 307(2) и ст. 307(3) УК Республики Таджикистан³. В свою очередь, в новом УК Кыргызской Республики 2021 г., как и в Конвенции ШОС, соответствующие запрещенные преступные объединения вне зависимости от процедуры их признания таковыми именуется экстремистской организацией, а ответственность фиксируется лишь на уровне ч. 1 и 2 ст. 331.

Другой пример специализации в сфере организованной преступности демонстрирует новелла УК РФ 2022 г. – *диверсионное сообщество*.

2 Офиц. интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: www.pravo.gov.ru, 28.10.2019, № 0001201910280036 (дата обращения: 28.05.2023).

3 Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574 [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&pos=3244;29#pos=3244;29 (дата обращения: 28.05.2023).

щество (ст. 281³), которое определяется как устойчивая группа лиц, заранее объединившихся в целях осуществления диверсионной деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии. Кроме того, объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 281³ УК РФ, выраженная в форме руководства, позволяет выделить признак структурированности диверсионного сообщества. Таким образом, главная отличительная его характеристика определяется опять же не уникальным содержанием связи между участниками и их конкретной ролью, а спецификой деятельности сообщества.

С точки зрения объема криминализируемых деяний, характеризующих не преступную «специализацию», а суть функционирования организованных групп, их проявление вовне, обращают на себя внимание отдельные положения зарубежного уголовного законодательства. Так, ст. 288 УК Республики Беларусь устанавливает ответственность за принуждение лица к совершению преступления либо к участию в организованной группе, банде или преступной организации под различного рода угрозой⁴. В свою очередь, в отличие от ст. 205³ и 281² УК РФ, ст. 295 УК Китайской Народной Республики⁵ предусматривает ответственность за обучение способам преступной деятельности без конкретизации сфер и видов таковой, что представляется оправданным в свете отражения повышенной общественной опасности профессиональной организованной преступности и минимизации степени казуистичности уголовного закона в целом.

Отдельно стоит остановиться на применении иных мер уголовно-правового характера к лицам, совершившим посягательства рассматриваемой направленности. Важность перспективного повышения роли поощрения как формы уголовно-правового воздействия отмечалась российскими учеными, в числе которых был и В.С. Комиссаров, еще в 2006 г. на

4 Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&pos=2447;-55#pos=2447;-55 (дата обращения: 28.05.2023).

5 Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. А.И. Чучаева и А.И. Коробеева. 2-е изд. М., 2021. 312 с.

Второй международной конференции по теории уголовного права в Шаньдунском университете (Китай) [5]. Следует признать, что такой подход воспринят российским законодателем, однако его реализация не во всем последовательна.

Для УК РФ фактически традиционным стало одновременное установление преступности деяния, признаваемого тяжким или даже особо тяжким, с формулированием на уровне примечания к статье специального основания освобождения от уголовной ответственности. Как правило, оно носит императивный характер: «лицо ... освобождается». Такие нормы-компромиссы содержатся в примечании 2 к ст. 205¹, примечании к ст. 205³, примечании 1 к ст. 205⁴, примечании к ст. 205⁵, примечании к ст. 208, примечании 2 к ст. 210, примечании 3 к ст. 281¹, примечании 1 к ст. 281², примечании 1 к ст. 281³, примечании 1 к ст. 282¹, примечании к ст. 282² УК РФ и др. Вместе с тем соблюдение предусмотренных законом условий влечет освобождение от уголовной ответственности не всех субъектов названных преступлений. В частности, в ст. 282¹ УК РФ такое поощрение применимо к организатору, руководителю и участнику экстремистского сообщества, в том числе совершившему преступление с использованием служебного положения, тогда как в примечаниях к ст. 205⁴ и 281³ говорится только о лицах, добровольно прекративших участие в террористическом и диверсионном сообществах соответственно.

Определяя общие тенденции развития уголовного права, В.С. Комиссаров делал акцент на длительности реально протекающего исторического процесса, его глобализации. При этом наступление новой эпохи он связывал со вступлением в силу основополагающих конвенций ООН против транснациональной организованной преступности, коррупции и (в широком смысле) терроризма [4, с. 117].

В этой связи важно отметить, что целый ряд преступлений, действительно, носят априори «наднациональный» характер. Однако актуальность противодействия им в настоящий момент не просто сохраняется, а обретает новые грани.

Следует признать, что в современный период в условиях сложившейся геополитической ситуации, напротив, прослеживается тенденция к деглобализации и регионализации

международного уголовного права. При этом с точки зрения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ переоценка значения для нашей страны отдельных европейских соглашений не колеблет ее приверженности международному уголовному праву в целом и стандартам ООН в частности. Так, например, денонсирование Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. вовсе не означает отказ от противодействия этому негативному явлению, поскольку сохраняет свою юридическую силу одноименная Конвенция ООН 2003 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суммируя изложенное, отметим, что в настоящее время уголовно-правовое противодействие организованной преступности характеризуется ростом числа специальных

норм, терминологически рассогласующихся с общими положениями института соучастия в преступлении. Заметно также, что выделение различных наименований форм соучастия (организованной группы, преступного сообщества, преступной организации и др.) [6] является скорее результатом законотворчества отдельных стран, нежели общемировой практикой.

По нашему мнению, перспективные направления оптимизации норм международного уголовного права о соучастии в преступлении связываются с его деглобализацией и регионализацией, формированием официальных правовых дефиниций различных видов организованных групп, выстраиванием оптимального механизма их имплементации в национальное уголовное законодательство, позволяющего минимизировать степень его казуистичности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комиссаров В.С. Уголовная ответственность за бандитизм : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.С. Комиссаров. – Москва, 1983. – 194 с.
2. Комиссаров В.С. Преступления, нарушающие общие правила безопасности: понятие, система, общая характеристика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.С. Комиссаров. – Москва, 1997. – 214 с.
3. Курс уголовного права. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении : учебник для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – Москва : Зерцало-М, 1999. – 592 с.
4. Комиссаров В.С. Совершенствование уголовного законодательства об организованной и транснациональной организованной преступной деятельности (на примере Республики Казахстан, Российской Федерации, Китайской Народной Республики) / В.С. Комиссаров, Г.Б. Енсебаева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 115–123.
5. Голик Ю. О национальной концепции уголовного права / Ю. Голик, Л. Иногамова-Хегай, В. Комиссаров, В. Номоконов // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 18–20.
6. Комиссаров В.С. Уголовно-правовое и криминологическое исследование организованных форм соучастия в Республике Казахстан / В.С. Комиссаров, Г.Б. Енсебаева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 4. – С. 807–827.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коняхин Владимир Павлович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный юрист РФ;

Батютина Татьяна Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konyakhin Vladimir Pavlovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Batyutina Tatyana Yurievna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Criminal Law and Criminology.

Статья поступила в редакцию 17.06.2023; одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 30.06.2023. The article was submitted 17.06.2023; approved after reviewing 29.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.